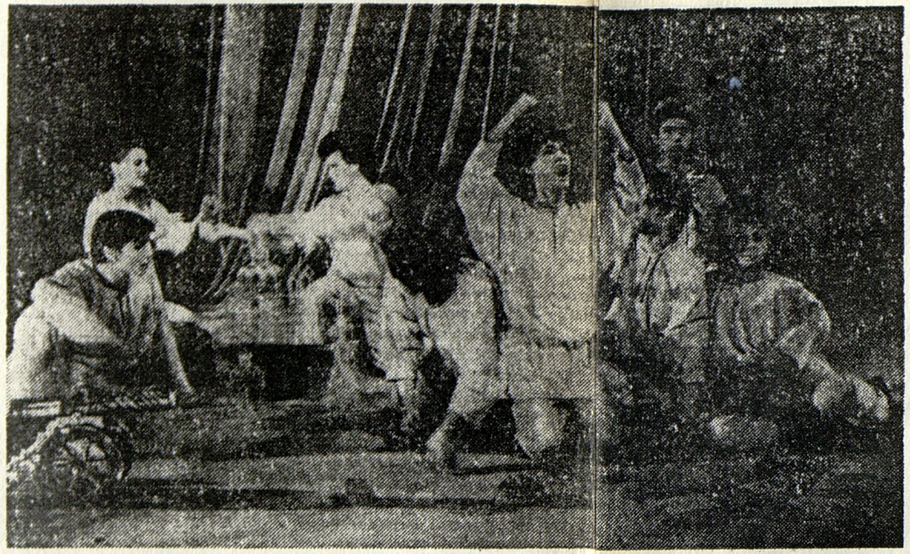
Андреев Андрей (ТЮЗ-спб)

27.05.93г

КЛАСС

или Разговоры в стенах ТЮЗа

Смена, -С.-Пб.-1993,-27 мая,-с.8.



В ПРОШЛОМ году вокруг ТЮЗа и внутри него кипели страсти. Отношения выяснялись не только в баталиях словесных, но и на страницах прессы. Но время лечит и успокаивает. Навсегда ли — предугадать невозможно. И все же попытаемся заглянуть в тюзовское будущее, которое представлено сегодня новым пополнением труппы — выпускниками Театрального института на Моховой. Не так давно они вернулись из трехнедельной поездки в Европу. Студенты курса Андрея Андреева, худрука ТЮЗа, показывали пушкинскую «Сказку о царе Салтане» в Германии и Швейцарии (причем в Германии они уже были не в первый раз). «Публика была вне себя», — писала год назад «Штутгартер цайтунг», рецензент которой назвал свое ощущение от спектакля «исключительно чувственным наслаждением». И на этот раз успех повторился. «Потрясающе! Невероятно! — так говорят те, кто уже видел эту труппу», — отзывалась о гастролях одна из цюрихских газет. Сами ребята рассказывают о том, что почти все десять представлений в Штутгарте прошли в переполненном зале (зал, правда, европейских театральных масштабов, на полтораста мест). И к произведенному фурору сами участники поездки относятся вполне спокойно.

Борис Ивушкин: Там своеобразная публика — она смеется над теми вещами, которые здесь смеха не вызывают. Они вообще хотят больше смеяться, больше радоваться — приходят получать удовольствие. Хотя были и те, кто плакал.

Олег Попов: Они все понимают превратно, даже сам сюжет. В их восприятии царь Салтан озабочен поиском наследника, потому что он боится оставить государство без преемника. Там писали, что за всем этим чувствуется русская душа.

— А каковы ваши ощущения от заграницы?

Дмитрий Лигачев: Там какая-то разумность во всем. Заходя в любой дом, видишь — каждая квартира формируется как собственный музей, в каждой своя коллекция — пивные баночки, спичечные коробки, куколки, старинные аптечные мензурки... Правда, эта разумность добивает уже через две недели. Видимо, в каждом из нас сидит варвар, и иногда хочется все разломать.

— А здесь не хочется?

— Здесь и так все уже разломано. Здесь приходится собирать.

Для молодых тюзовцев действительно наступило время собирать. Или собираться. В путь, который, на первый взгляд, недалек, — все двадцать четыре выпускника курса Андреева должны остаться в ТЮЗе. Но этот путь — актерский — куда протяженнее, чем несколько троллейбусных остановок от нынешней Моховой до бывшего Семеновского плаца. Несколько шагов — «Пришло-прикатило Рождество Христово», «Танц-класс», «Сказка о царе Салтане» — уже сделано. Плюс многочисленные вводы во «взрослые» спектакли. И еще...

Андрей Андреев: Еще не все получилось. У нас есть «Власть тьмы», «Слуга двух господ», но они сделаны для малой сцены. Наполовину готовы «Над пропастью во ржи», «Ромео и Джульетта», «Униженные и оскорбленные», есть и другие планы. У меня вообще большие надежды на ребят. И для театра они нужны все, целым курсом. Они должны заполнить тот разрыв поколений, который в ТЮЗе образовался. Ведь, кроме студентов, только двое артистов в театре моложе тридцати лет. А молодой зритель, заполняющий зал, хотел бы видеть на сцене также молодые лица.

— Андрей Андреевич, получается, что идеальная формула вашего театра — Театр Юных Зрителей и Молодых Актеров. Но молодые взрослеют, и, следовательно, необходимо постоянно обновлять труппу. Получается, что ТЮЗ для актеров — только временное пристанище?

— Для большинства — да. Это, конечно, драма каждого отдельного артиста, но ТЮЗ — театр особый, здесь иначе нельзя. Хотя, скорее, это драма не для них. Здесь они играют большой репертуар, нарабатывают опыт и становятся желанны для других. А вот для театра ситуация достаточно драматична — ведь почти всегда уходят сильнейшие.

Я СИЖУ на «Сказке о царе Салтане» и вглядываюсь в лица актеров. Борис Ивушкин — худой высокий Салтан, несмотря на свой рост похожий на ребенка; Ольга Карленко — колоритная Бабариха, каждым своим появлением вызывающая в зале оживление; Анна Шерякова и Татьяна Маколова — Повариха с Ткачихой, пластичные, голосистые, энергичные; Царевна-Лебедь — Василина Стрельникова, уже явная прима молодой труппы; подвижный Андрей Носков с огромной копной кудрей — Белочка («танцует, как черт», — писали о нем в штутгартской газете). Кто из них и куда уйдет через некоторое время, а кто останется? И как они сами относятся к будущему?

Андрей Андреев: Актерская профессия жестокая. Мы, я думаю, не привыкли к жестокости жизни, а надо привыкать. Я ребятам об этом говорю с первого курса: «Вам нужно понять, что если до тридцати лет вы не станете мастерами, то нужно бросать профессию». Не надо уповать на кого-то, на режиссера в том числе. Мне кажется, ребята настроены на самостоятельность. Либо они наработают мастерство за молодые годы и будут иметь цену, либо нет. А если хочешь иметь цену — вкалывай...

И последние два года они заняты так, что просто не укладывается в голове. Двадцать четыре студента из пятидесяти шести актеров труппы. Почти половина... Это означает — ежедневная занятость в репертуаре, куча массовок, дневные репетиции... Ну а на учебу, видимо, — то, что остается. А остается ли?

— Наверное, в такой загруженности есть и свои положительные стороны, — осторожно говорю я, обращаясь к студентам-актерам.

— Нет, мне кажется, это плохо. Один человек не может играть двадцать пять спектаклей в месяц, причем, двадцать три из них — в массовке. Это бред! — отвечает один.

— Но куда денешься! — подхватывает другой.

— Я бы к чертовой матери сократил этот репертуар. Не более десяти-пятнадцати спектаклей, а все остальное время отдавать репетициям, чтобы выходило больше премьер, — добавляет третий.

— Но в массовке кому-то надо выходить?

— Конечно, но здесь такой завал этой массовки. Какой при этом может быть профессиональный рост?

— То, что вы сутками находитесь в театре и заняты театром, — как это отражается на самих ролях? Где брать житейские впечатления, из которых потом делается роль?

— Нигде. И не берутся.

— А как же без этого?

— А вот и плохо. Остается только будить воображение — по ночам.

— Нет, нам нравится приходить сюда с утра и уходить поздно вечером, даже ночью. Это же наша работа! Но должна же быть еще какая-то разумность в этой работе — нужно ли это? И можно ли все сформулировать так, что это будет полезно и для режиссера, и для актеров, и для театра?

— А зависть не возникает, что другие выпускники играют Тузенбахов и братьев Карамазовых уже в дипломных спектаклях, а у вас и театр детский, и спектакли такие особые, коллективные?

— Что касается дипломных спектаклей, то зависти не возникает (общий смех). Может вызывать зависть то, что в других театрах выпускается премьера за премьерой или просто появляются интересные спектакли. Хочется быть не только индивидуальностью, но и работать в хорошем театре. Когда говорят не только о тебе — это мальчик интересный, — но и о театре — у вас там работают такие интересные люди!

Да, с премьерами в этом сезоне у ТЮЗа неважно. Единственная — «Сказка о царе Салтане» — сделана самими студентами под руководством педагога и режиссера Юрия Васильева и уже позднее перенесена на большую тюзовскую сцену. Причем нельзя сказать, что этот перенос пошел спектаклю на пользу. Кстати, за рубежом показывался именно первоначальный, камерный вариант, без сценографии и особых театральных эффектов — только четырнадцать юношей и девушек на оголенной сценической площадке. Он-то и пользовался успехом. Следовательно, в самом театре не появилось фактически ни одного нового спектакля, что означает отсутствие у большей части труппы новых ролей. И, несмотря на, вероятно, существующие объективные сложности, подобная ситуация восторга у меня лично не вызывает. Тем более, когда еще раз начинаешь думать о том, что все это может повториться через несколько лет и без ролей будут сидеть уже эти полные надежд ребята. Может, тогда и они окажутся в тени следующего юного и полного сил нового поколения?..

Я — Андрееву: А вы сами для себя не видите драматизма ситуации в том, что с каждым новым поколением актеров нужно и себя обновлять? И как это сделать?

— Я думаю, что не нужно. (Пауза). Я сейчас уже должен думать о том, как к ребятам присоединить молодых режиссеров. Я сам принадлежу к какому-то серединному поколению, и мне, конечно, хочется говорить и о себе, и о своих ровесниках. Хотя я сам не очень взрослый: многое из того, что я не понимал в восемнадцать, я не понимаю и в сорок пять. И все равно я хотел бы свести их с новой режиссурой. Может быть таким образом я должен воспитать своих, в творческом смысле, убийц, но это ТЮЗ, это театр...

Во втором акте «Сказки о царе Салтане» в руках молодых актеров оказываются крохотный хрустальный дворец и такой же маленький кораблик из стекла. Они блестят, мерцают, искрятся в лучах театрального прожектора. Дворец — символ дома и постоянства, корабль — знак поисков и пути...

Александр ПЛАТУНОВ

Фото Алексея ДАНИЧЕВА